ОБЛАКА

11.11.2014

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В этом году российской адвокатуре исполняется 150 лет. Она появилась благодаря знаменитой судебной реформе Александра II, которая преобразила всю систему российского правосудия. Судебные уставы 1864 года ввели институт присяжной адвокатуры – появились присяжные поверенные и их помощники. «Начало судебного состязания сторон, - говорилось в Уставах, - не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам предоставлена была возможность судебного *состязания*.»

История адвокатуры во многом является отражением истории развития отношений государства и общества. Сам термин «адвокат» впервые появился в России благодаря Петру I, который так назвал представителей сторон в «Кратком изложении процессов или судебных тяжб» - части своего «Воинского устава». В комментариях, он, однако, написал, что если адвокаты участвуют в судебном заседании, то своими «непотребными пространными» рассуждениями только затягивают процесс и «судью утруждают». Похожее отношение государей к адвокатам проявлялось в российской истории и позже. Екатерина II заявляла, что «адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуют и законодательствовать не будут, пока я жива, а после меня будут следовать моим началам…» Николай I высказывался еще более определенно: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты и без них проживем». Видный российский юрист и публицист Иосиф Гессен в своей книге «История русской адвокатуры», вышедшей в 1914 году, делает неутешительный вывод: «Мысль о необходимости адвокатуры признавалась *безусловно вредной и опасной*».

Таким образом, адвокатура пришла в Россию тогда, когда ее никто не ждал и не хотел. Даже общество. В юбилейной брошюре, выпущенной в этом году Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, отношение к адвокатуре в период реформ Александра II определяется одним словом – она была «чужая». Для всех. И для суда, об одном упоминании о котором, по выражению публициста Ивана Сергеевича Аксакова, «волосы встают дыбом, и мороз дерет по коже». И для государства, «с его вечным недоверием». И, наконец, она была чужая для «общественного правосознания - в представлении

народа идеал суда был вовсе не в установлении истины и обеспечении состязательности, а в торжестве *Правды* и достижении *примирения сторон* – «чтобы никому обидно не было».

Единственно, для кого присяжная адвокатура была желанна, это для «просвещенной, передовой части российского общества». Но и ее восторги в те годы вскоре сменились разочарованием. «Ни одно полезное учреждение, ни одна добрая идея не исковеркана и не извращена жизнью и практикой так, как адвокатура», - писал в 1883 году один из авторов журнала «Юридическое обозрение».

Печально, что многие идеи, заложенные в Судебных уставах Александра II, так и остались не реализованными. Многие правовые новации того времени и сейчас воспринимаются как откровения. Сами же адвокаты, так же как и сто пятьдесят лет назад, продолжают ощущать на себе двусмысленное отношение, как со стороны государства, так и общества. Чем же является адвокатура для нас сегодня? Этим вопросом задается президент Федеральной палаты адвокатов Евгений Васильевич Семеняко:

> вот мне особенно показался по-прежнему интересным такая тема – адвокатура это что – терпимое зло или все-таки общественный колокол. Если бы наших коллег, зачинателей судебных уставов, спросили бы об этом, я думаю ответ их нетрудно было бы предсказать. Сегодня, я думаю, мы все-таки как профессиональное сообщество, как профессиональная корпорация правозащитников, с одной стороны, можем себя по-прежнему считать как представителей гражданского общества определенным общественным колоколом, но мы конечно и корпорация профессионалов. Совершенно не согласны с нашим обозначением в качестве терпимого зла, но это так называемая внутренняя самооценка. К сожалению, нам приходится сталкиваться при осуществлении нашей профессиональной деятельности как раз с тем что кое-кто нас по-прежнему пытается нас воспринимать как именно терпимое зло.

По мнению Евгения Семеняко, адвокатура является тем элементом, который определяет качество всей нашей правовой системы, её нацеленность на человека и его права и свободы. В Концепции Судебной реформы РСФСР 1991 года, уже основательно забытом документе, говорилось, что состояние адвокатуры это и индикатор уровня развития демократии в нашем обществе. «Только сильное и мудрое государство», как считают адвокаты, «может позволить себе независимую адвокатуру в качестве «вечного оппонента» на правовом поле и принципиального партнера в лице института гражданского общества на поле политическом».

В 1990-м году начался эксперимент с созданием «альтернативных» коллегий адвокатов. Это привело к ситуации, сравнимой с той, которая была в период перед реформой 1864 года, когда людей в суде защищали так называемые *ходатаи*, которые часто представляли собой «отставных чиновников, не получивших не только юридического, но вообще какого-либо образования». По словам тогдашнего министра юстиции графа Константина Палена, «действуя вне условий всякой гласности, они представляли весьма слабые гарантии нравственности и знания». Позднее, в 1874 году был принят закон о создании *частной* адвокатуры, которая не была организована в единую корпорацию и не имела единой профессионально-этической основы. И тогда, и сейчас такие шаги не могли не привести к снижению качества защиты человека в суде, и, как следствие, к

потере репутации профессии адвоката, адвокатского сообщества в целом. Больше всего претензий, конечно, у тех, кто был осужден и оказался в местах лишения свободы. Но, как считает известный адвокат Генри Маркович Резник, не всегда претензии осужденных к адвокату справедливы:

> Мы рассматриваем жалобы на адвокатов и поверьте, тогда когда претензии эти действительно справедливы, мы, если прегрешения адвокатов действительно серьезны, и дисциплинарные проступки тяжкие, мы вообще от них избавляемся. И такого рода случаи, когда нам удается установить, что адвокат подписал протоколы допросов, в которых он не участвовал, что адвокат не пришел на свидание к подзащитному тогда, как обязан был провести с ним беседу наедине. Но бывает и таким образом, к великому сожалению, что позицию по делу избирает не адвокат защитника. А с самого начала – и тут адвокатам трудно что-либо сделать - когда подзащитный приходит с некоторой позицией… в общем он склонен признать свою вину, адвокат отстаивает ту позицию, которую занимал в процессе обвиняемый.

Иногда адвокаты по назначению, чья работа не оплачивается клиентом, сразу заявляют человеку, что они и не собираются всерьез его защищать за то мизерное вознаграждение, которое полагается им по закону. С одной стороны, их поведение противоречит Кодексу профессиональной этики адвокатов, с другой, - нарушается конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи.

> Защита по назначению не должна отличаться от защиты по соглашению. А с другой стороны, мы принимаем все меры к тому, чтобы все-таки оплата адвокатов по назначению – а в ряде депрессивных регионов, где неплатежеспособное население, там где 90 процентов защиты осуществляется по назначению – без оплаты доверителем – чтобы эта оплата не была унизительной. Недавно нам удалось этого добиться.

К сожалению, поводы для недовольства адвокатами остаются. Среди них есть такие, которые действительно пренебрегают своим профессиональным долгом. Не исчезает и проблема так называемых «карманных адвокатов» - её признаёт и само адвокатское сообщество. У микрофона президент Федеральной палаты адвокатов Евгений Васильевич Семеняко:

> Это адвокаты, которые не столько озабочены тем, как наиболее эффективно осуществлять защиту своих подзащитных, а больше тем, как угодить следователю, чтобы он в следующий раз пригласил для участия в деле и, таким образом, обеспечил адвокату источник существования. Но это, между прочим, проблемы, которые между собой очень сильно связаны. С одной стороны, стремление иметь такого рода адвокатов. Это стремление следственных работников довольно очевидно проявляется - очень удобно вести расследование по делу, когда следователь со стороны адвоката не видит никаких проблем.

Таким образом, проблему «карманных адвокатов», на самом деле, можно называть и проблемой коррумпированных следователей. Ведь такое, с позволения сказать, сотрудничество выгодно обеим сторонам. Рассказывает Генри Резник:

> Каким образом вообще появляются карманные адвокаты? Задерживают человека … Он во власти следователя… Следователь говорит, что, так, дружок, ты в моей власти, и я тебе рекомендую, ты, вот такого то адвоката возьми, и тогда мы с тобой договоримся. И подозреваемый приглашает именно этого адвоката…. Адвокат – они называют таких адвокатов инкассаторами – он выполняет посредничество между взяточником и взяткодателем. Исполняют взятые на себя обязательство. Как узнать о существовании этих карманных адвокатов? Я все время говорил руководителям наших следственных

> органов, внутренних дел: посмотрите отказные материалы, посмотрите прекращенные дела. Что выясните? У вас в райотделе вдруг по всем делам участвует только один или два адвоката. Это адвокаты по соглашению. В ответ на мои предложения – молчание. А нам, адвокатскому сообществу – доступа нет к этим делам.

Понятно, что возможности борьбы с таким явлением как «карманные адвокаты» у самого адвокатского сообщества весьма ограничены. Здесь должно сыграть свою роль государство, поскольку налицо фактически сговор представителей двух сторон – адвокатов как частных лиц и следствия как органов власти.

В то же время, общество ожидает, что адвокат, так же как и врач, в силу своей профессиональной этики будет делать все возможное для осуществления качественной защиты. И он обязан это делать независимо от размера вознаграждения. Но это в идеале. На практике часто выходит по-другому. Надо признать, что дневная оплата российских адвокатов по назначению действительно во много раз меньше, чем, например, почасовая оплата таких же адвокатов в Швеции или Финляндии. И российские адвокаты получают несравнимо меньше, чем другие участники судопроизводства, например, судьи.

Качество уголовно-судебной защиты это всегда результат, с одной стороны, внимания к этой сфере государства - власти и законодателей, с другой стороны, оно, конечно, зависит от состояния самого адвокатского сообщества. Только тогда, когда оба этих фактора будут направлены навстречу друг другу, общество на себе ощутит, что адвокатура, выражаясь словами выдающегося судебного деятеля и юриста Анатолия Федоровича Кони, «не просто средство кормления», а «служение общественное».

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.